

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

*Эпштейн замер. Он только теперь узнал Эльдара Сафарова. Глаза его вспыхнули от ненависти. Сжав кулаки, банкир глухо пробормотал:
– Теперь я вас узнал. Вы тот самый мерзавец, который дважды пытался засадить меня в тюрьму...*

Распад
Похороны
империи

ЭКСМО

Распад

Чингиз Абдуллаев

Похороны империи

«PEN-клуб»

2011

Абдуллаев Ч. А.

Похороны империи / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2011 — (Распад)

Лето 1991 года. Эльдар Сафаров, молодой перспективный юрист, принят на работу в администрацию первого и последнего президента СССР. Честный и прямой человек, не привыкший поступаться своими идеалами и принципами, он никак не может понять, что происходит в стране, а главное, что ему теперь делать. Незыблемые, казалось бы, вещи внезапно перевернулись с ног на голову. Вот и банкир Эпштейн – лжец и вор, которого Сафаров посадил за решетку, – вышел на свободу в ореоле «борца против коммунистического режима»... Эпштейн прекрасно помнит, кто именно подвел его под уголовную статью, – а значит, над жизнью Сафарова нависла смертельная опасность...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Чингиз Абдуллаев

Распад. Похороны империи

Природное стремление человека к свободе неистребимо, его можно подавить, но его нельзя уничтожить. Тоталитаризм не может отказаться от насилия. Отказавшись от насилия, тоталитаризм гибнет. Вечное, непрекращающееся, прямое или замаскированное, сверхнасилие есть основа тоталитаризма. Человек добровольно не откажется от свободы. В этом выводе свет нашего времени, свет будущего.

Василий Гроссман «Жизнь и судьба»

Нельзя бездумно делать одних носителями добра, а других – злодеями, оценивая их только позитивно или только негативно. Как те, так и другие меняются в зависимости от характера общества, поколения и от существующих в это время идеалов.

Дайсаку Икеда

Революционер порывает с гражданским порядком и цивилизованным миром, с моралью своего мира. Он живет в этом мире, чтобы его уничтожить... Он знает лишь одну науку – разрушение. Для революционера все морально, что служит революции.

Сергей Нечаев

Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам, накопившимся под свинцовой крышечкой монархии, и в то же время она отбросила от себя все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны.

Максим Горький

Глава 1

В ночь с двадцатого на двадцать первое августа решалась судьба цивилизации. Подошедший к концу двадцатый век, словно выдохшийся бегун, притормозил на одну ночь, чтобы обдумать и понять, что именно с ним происходит и в каком направлении ему следует бежать. Век, начавшийся с выстрелов в Сараево грандиозной и бессмысленной мировой бойней, в которой погибли миллионы людей и были уничтожены все континентальные империи – Российская, Германская, Турецкая, Австро-Венгерская. Век, в котором ожесточенные гражданские войны стали обычным явлением от Китая до Мексики, от России до Африки, от Испании до Кореи. Век самой крупной экономической депрессии и спада экономики, вызвавший обнищание миллионов, век, в котором на протяжении шести лет шла Вторая мировая война, обошедшаяся человечеству в пятьдесят с лишним миллионов жизней и закончившаяся трагическим эпилогом – двумя атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки. Век зарождения фашизма, с таким трудом побежденного объединенными нациями, и изнурительной «холодной войны», когда количество накопленного оружия могло несколько раз уничтожить всю планету. Век Освенцима и Бухенвальда, Эль-Аламейна и Сталинграда, Катюши и Хатыни. Но в то же время век великих научных открытий и выхода в космос. Человечество придумает Интернет, сделает авиацию обычным транспортным средством, изобретет мобильную связь, победит многие болезни. Век объединения Европы и пробуждения Африки и Латинской Америки.

Но если серьезно проанализировать и абсолютно беспристрастно подойти к итогам трагического и такого богатого на события двадцатого века, то следует признать, что самым важным явлением столетия стало создание Советского Союза, провозгласившего новый социальный строй и давшего надежду человечеству в октябре семнадцатого года. Это столетие прошло под знаменем идей, победивших в СССР, вызвало ожесточенное противостояние двух систем и подошло к концу в августе девяносто первого года, когда цивилизация, казалось, свернула с уже намеченного пути. Идеи равенства и справедливости, о которых мечтали все предыдущие поколения, оказались несовместимыми с отсутствием свободы и демократии. Рухнула не просто страна или социальный строй. Оказалась опрокинутой сама идея о возможности создания бесклассового государства всеобщего равенства и коммунистическая мечта, в которую верило так много людей во всем мире и которая была так бессовестно опорочена в тридцатые годы в СССР, во времена «культурной революции» в Китае и победы «красных кхмеров» в Кампучии.

В эту ночь почти не спал Михаил Сергеевич Горбачев, запертый на своей даче в Крыму. Он слушал зарубежные голоса и уже знал о трагедии в Москве, где погибло несколько человек. По разным источникам начали передавать уже о десятках погибших, и это было самым плохим известием за последние два дня его вынужденного затворничества на даче в Форосе. Как ни пытался он огородить супругу от подобных известий, она обо всем узнала, поэтому тоже не могла сомкнуть глаз. Умная и проницательная женщина понимала, что первая кровь может привести к необратимым последствиям, и тогда собравшиеся в Москве члены ГКЧП просто не допустят возвращения Горбачева в свой кабинет.

В эту ночь не спал и Борис Николаевич Ельцин. Вместе с группой своих сторонников он спустился в бункер, находившийся под Белым домом. Это было бомбоубежище, выстроенное с таким расчетом, чтобы там в момент чрезвычайной ситуации могли спрятаться члены правительства. Из бункера вел выход прямо в метро, куда нужно спускаться по длинной лестнице, но его заминировали сторонники российского президента. Несмотря на запрет, они часто злоупотребляли спиртным, что вызывало раздражение у Ельцина. Он все время пытался выйти на руководителей других республик, но те либо избегали с ним разговаривать, либо уклонялись от прямых ответов. Ни один не был готов к жесткому противостоянию с союзными властями, как это делал он сам.

Западные лидеры звонили и осторожно выражали свою поддержку, однако все понимали сложное положение Ельцина и российских властей. Президент Буш пожелал вырваться из «танковых тисков». Гельмут Коль звонил, чтобы уточнить про истинное положение дел в Москве. Как только объявили о создании ГКЧП, рухнула немецкая марка. Все помнили о тысячах танков и советском воинском контингенте, все еще находившемся в Восточной Германии. Спустя некоторое время напишут, что Ельцин и российские власти были в полной изоляции. Это неправда. Хотя часть правительственных телефонов действительно не работала, но более полутора десяткам лидеров западных стран удалось дозвониться до Ельцина.

Когда пришли сообщения о погибших, начальник личной охраны Ельцина Коржаков принял решение спасти российского президента и вывезти его в американское посольство. Уже в президентском «ЗИЛе» Ельцин категорически откажется покидать территорию Белого дома. Это был, несомненно, акт личного мужества и хорошо просчитанный политический акт. Находясь в американском посольстве, российский президент мог легко спасти свою жизнь, но навсегда загубить свою политическую карьеру. И он остался в Белом доме. Все понимали, что штурм должен состояться. На следующее утро было назначено заседание Верховного Совета РСФСР. Никто не сомневался, что российский парламент осудит действия путчистов. Сидевший рядом с Ельциным Руслан Хасбулатов что-то быстро писал, готовясь к завтрашнему заседанию. Из Белого дома снова ушел Силаев. Российский премьер не был готов умирать вместе с остальными, о чем достаточно честно и сказал Ельцину. Зато в бункер вместе с мужчинами спустились и женщины – секретари, стенографистки, машинистки, сотрудницы аппарата. Даже

пожилая буфетчица тетя Нина, которой было уже за шестьдесят, присоединилась к своим молодым коллегам, не пожелав уходить из здания, обреченного на штурм. Так они все вместе и провели эту ночь в бункере в ожидании штурма.

Руслан Хасбулатов в эти сложные дни проявил себя достаточно мужественным и смелым человеком. Но, как обычный человек, провинциал, сделавший феноменальную карьеру, и преподаватель, в одночасье вознесенный на вершины власти, с этого дня он почти искренне считал себя равным Ельцину, не понимая истинного величия первого Президента России. Даже если абсолютно объективно оценивать Ельцина с огромным знаком «минус», следует признать масштаб личности этого человека, его невероятную энергетику, несопоставимую с таковой у обычных людей. А Хасбулатов не сумел или не захотел понять этого. Ведь так легко считать, что «кардинал и галантерейщик могут спасти Францию».

Не спал в эту ночь и Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Вот уже два дня ему беспрерывно звонили из Москвы. Сначала Ельцин, затем Шенин, потом – снова Ельцин и снова Шенин. Все понимали, что от его позиции может зависеть мнение и остальных шести мусульманских республик. Он старался отвечать достаточно осторожно, опасаясь втянуть республику в московские разборки. Назарбаев сознавал, что в случае победы путчистов положение сразу изменится. Но он видел нерешительность и колебания путчистов, отмечая нарастающую волну сопротивления, и поэтому на все призывы Шенина согласиться на срочный созыв Пленума ЦК КПСС с поддержкой деятельности ГКЧП не давал своего согласия.

Не спал председатель Верховного Совета Украины Леонид Кравчук. Спустя много лет он не будет вспоминать, как соглашался с приехавшим генералом Варенниковым и готов был ввести чрезвычайное положение на Украине, но осторожно решил немного подождать, чтобы уже через несколько дней стать ярым демократом и сторонником полной независимости Украины. А в памяти Раисы Горбачевой Кравчук останется как наиболее рьяный сторонник жестких мер в отношении всех несогласных. Сделавший карьеру в партии, Леонид Кравчук был известен как непримиримый цензор, строгий идеологический надзиратель, так много и глупо досаждавший деятелям культуры Украины. Сразу после августовских событий он превратится в истового демократа, который решительно возьмет курс на независимость своей республики. И постарается забыть свое поведение девятнадцатого августа, когда он сказал корреспонденту программы «Время» по поводу создания ГКЧП и изоляции Горбачева: «Рано или поздно это должно было произойти».

Вечером двадцатого августа в Кремле снова собрались основные члены Комитета. Язов, как добросовестный служака, явился одним из первых и почти все время угрюмо просидел на стуле, не пытаясь что-либо сказать. Он начал сознавать, что введенные в город танки ничего, кроме раздражения, не вызвали, и поэтому мрачно молчал. Среди собравшихся были Янаев, Бакланов, Тизяков, Стародубцев. Приехал Шенин вместе с первым секретарем московского горкома Прокофьевым. Последним появился Крючков. Пуго позвонил и сообщил, что находится в своем кабинете. Он видел, что происходит в городе, понимал, в какие неуправляемые процессы все может вылиться, и знал, что из российского Министерства внутренних дел пошли распоряжения о мобилизации курсантов различных школ милиции, которые формировали отряды для прибытия в Москву. Заместитель министра внутренних дел России генерал Дунаев отправил шифрограмму начальникам Вологодской, Брянской, Рязанской, Владимирской и Орловской школ милиции, где приказывал прибыть к двадцать первому августу в Москву с оружием и боеприпасами. Пуго отчетливо представлял, в какую гражданскую войну все это может трансформироваться. Поэтому послал срочное сообщение: «Стало известно, что начальникам ряда учебных заведений со стороны руководства МВД РСФСР дано указание прибыть в Москву с оружием к утру 21 августа. Учитывая, что в Москве введено чрезвычайное положение, направление в Москву и Московскую область личного состава категорически запрещаю». Сейчас этот вопрос волновал его более всех остальных.

Крючков рассказал о положении в городе. Еще не было известно о трех погибших, но все уже понимали, что два последних дня оказались полностью провальными для созданного Комитета. Все высшие руководители страны, которые поддержали создание ГКЧП, оказались не готовы к руководству страной в столь сложной обстановке. По большому счету, это была личная трагедия порядочных и честных людей, искренне пытавшихся спасти свою страну, остановить ее распад. Но казалось, что сама история была в эти дни против них. Энергия, зародившаяся в октябре семнадцатого и так триумфально побеждавшая на протяжении многих лет, просто выдохлась к августу девяносто первого. Никто не понимал, что именно происходит, но тысячи людей вокруг Белого дома и в Ленинграде, вышедшие на демонстрацию, были зримым воплощением протеста людей против их политики. И это пугало и парализовывало волю собравшихся.

Почти полуторачасовое совещание ни к чему не привело. Становилось понятно, что без президента страны все последующие решения ГКЧП будут восприниматься с большим сомнением. Выступавшие на митингах требовали возвращения Горбачева. Ведь все остальные высшие руководители страны были на своих местах и входили в созданный Комитет, а отсутствие самого Президента СССР создавало некий вакуум власти. Много лет спустя Ельцин убежденно скажет, что Горбачев знал о готовящихся чрезвычайных мерах, и этим фактически подтвердит тот парадоксальный факт, что требование возвращения президента страны было удобным поводом для неподчинения решениям союзной власти. Вернувшийся же из Фороса Горбачев позволит арестовать всех руководителей бывшей страны, обвинив их в заговоре, откажется от собственной партии, благодаря которой он и занял высшую должность в стране, и даже не поймет, что теперь он действительно окажется в полной изоляции, когда ни один чиновник или политик уже не станет принимать его всерьез. Более того, свидетельством абсолютного непонимания ситуации и характерного стиля работы самого Горбачева сразу после возвращения будут назначения на самые ответственные должности в стране: министром обороны – генерала Моисеева, министром внутренних дел – генерала Трушина, председателем КГБ – генерала Шебаршина. Уже на следующий день он в очередной раз продемонстрирует свою непоследовательность, сняв только что назначенных офицеров и заменив их другими. Трагедия, превратившаяся в фарс, продолжала разрушать единую страну. И весь мир следил за этими судорожными телодвижениями с насмешкой и презрением.

Совещание закончилось достаточно поздно. Приняли решение завтра утром вылететь в Форос, чтобы уговорить Горбачева вернуться в Москву. Ведь главным требованием демонстрантов было возвращение Президента СССР. Все собравшиеся понимали, что возвращение Горбачева будет фактически крахом объявленного Государственного Комитета, но дальше медлить уже нельзя. Страна оказывалась в подвешенном состоянии, когда почти никто не выполнял никаких приказов из Центра, выжидая, чем все закончится в Москве. К тому же все собравшиеся в Кремле уже знали, что на завтра назначена сессия Верховного Совета РСФСР. И никто не сомневался, что российские депутаты под влиянием Ельцина и Хасбулатова осудят введение ГКЧП. Было решено, что в Форос полетят Бакланов, Тизяков, Крючков и Язов. На этом совещание закончилось.

Вернувшийся к себе Крючков так и не смог нормально выспаться. Он снова и снова спрашивал себя, правильно ли они поступают, не сумев убедить инакомыслящих или подавить их выступление. Уже через два дня после своего ареста он заявит, что жалеет о своей неопределенной позиции и мог бы поступить иначе, если бы имел возможность вернуться на пять-шесть дней назад. Когда ему доложили о трех погибших, он сразу перезвонил Язову. Маршал уже знал о случившемся. Он подавленно предложил начать вывод танков. Крючков ничего не ответил. Вежливо попрощался и положил трубку. Язов перезвонил Янаеву. Тот тоже не сумел принять никакого решения. Маршал уже понимал, что во всех жертвах обвинят его одного. Он позвонил Бакланову. Услышав о погибших, тот сам предложил вывести танки. Бакланов

тоже видел, что введенные войска только раздражают демонстрантов. Язов облегченно поблагодарил и сразу отдал приказ о выводе танков.

Не спали в эту ночь и лидер литовского «Саюдиса», и председатель Верховного Совета Литвы Ландсбергис, сознававший, чем может закончиться победа ГКЧП. На вопрос одного из журналистов, что именно будет делать Литва в случае победы заговорщиков и ввода в республику дополнительного контингента советских войск, он раздраженно ответил, что «мы сдадимся». Это был достаточно честный и мужественный ответ. Воевать своими силами с Советской армией Литва не смогла бы. Январское противостояние закончилось трагедией. Ему так не хотелось допускать даже мысли о возможных новых жертвах, и он прекрасно понимал, что не только его личная судьба решается в Москве, но и будущая судьба всего литовского народа. Однако в повторение событий сорокового года или конца сороковых, когда были депортированы и осуждены тысячи литовцев, Ландсбергис не верил – ситуация в мире и в стране кардинально изменилась. Но при этом понимал, что обретение независимости может растянуться еще на долгие годы в случае победы ГКЧП, и поэтому так волновался.

В эту ночь не спал и секретарь ЦК КПСС Олег Шенин. Он обзванивал секретарей обкомов и руководителей партийных организаций республик и почти везде находил поддержку и понимание. Все три прибалтийские компартии, оставшиеся в рядах КПСС, были готовы безоговорочно поддержать решения ГКЧП. Это был их единственный шанс на возможное изменение ситуации в их пользу. Некоторые республиканские лидеры осторожно заявили о своей готовности к сотрудничеству. Наиболее резко высказался Президент Азербайджана Муталибов, который, находясь в Иране, не скрывал своего одобрения введением ГКЧП. Готовы были поддержать действия созданного Комитета председатель Верховного Совета Белоруссии Дементей и белорусские коммунисты. Таджикистан и Туркмения тоже были согласны на проведение внеочередного Пленума с поддержкой ГКЧП. Российские секретари обкомов безоговорочно поддерживали любые инициативы Секретариата ЦК КПСС. Никто особенно не скрывал, что Горбачев надоел всем своей неконкретной риторикой, своими лихорадочными метаниями из стороны в сторону, своей непоследовательной позицией. И вместе с тем людей настораживали многотысячные митинги протестов в обеих столицах и мировая реакция на отстранение законного президента от власти. Именно поэтому многие предпочитали не высказывать определенно свою конкретную позицию, выжидая, чем именно закончится противостояние в Москве.

Не спал председатель Верховного Совета Армении Левон Тер-Петросян. Молодой ученый, пришедший к власти в Армении на волне карабахского противостояния, он был достаточно осторожным и прагматичным политиком. Именно его, как одного из влиятельных членов созданной союзной комиссии, пошлют в Литву для изучения обстановки в республике сразу после январских событий. Тер-Петросян делал все от него зависящее, чтобы не допустить подобного противостояния в Армении. Январские события прошлого года в Баку и апрельские события восьмидесят девятого в Тбилиси наглядно демонстрировали, что именно может произойти и в Армении. И, несмотря на ежедневные сводки о военных столкновениях в Карабахе и на всей армяно-азербайджанской границе, Тер-Петросян демонстрировал удивительную гибкость, позволявшую ему избегать открытой конфронтации с Москвой. Более того, он оказался гораздо более радикальным демократическим политиком, чем многие его коллеги даже из прибалтийских республик. Именно при нем было конфисковано все имущество армянской компартии, а ее руководители были выселены из занимаемых ими помещений. Вместе с тем Тер-Петросян отлично сознавал, что победа ГКЧП будет означать жесткое подавление любых сепаратистских настроений в Нагорном Карабахе. Поэтому он и не спал, сидя в своем кабинете и ожидая известий из Москвы.

Спустя несколько лет он уйдет в отставку, несогласный с воинствующей позицией своих оппонентов Кочаряна – Саркисяна, сделавших себе карьеру в военных столкновениях в Карабахе. Тер-Петросян окажется способным подняться над кровавым и затянувшимся конфлик-

том двух соседних народов и обратиться к собственным согражданам с достаточно честным воззванием, объясняя, что необходимо искать компромиссы со своими соседями, иначе сама республика может оказаться в изоляции.

Не спал Президент Грузии Звиад Гамсахурдиа. Кроме тревожных вестей из Москвы, он получал еще более плохие известия из регионов республики. В Южной Осетии и Абхазии уже шли военные стычки с применением автоматического оружия. Своей воинствующей риторикой и непродуманной национальной политикой Гамсахурдиа испортил отношения не только с абхазами и осетинами, но умудрился довести до грани и отношения с азербайджанцами и армянами, также населявшими его республику. В день объявления ГКЧП в Москве в Тбилиси подал в отставку премьер-министр Сигуа. Экономическое положение становилось катастрофическим. Самое же трагичное было в том, что силовые структуры грузинского Министерства внутренних дел постепенно выходили из-под контроля самого Гамсахурдиа, а созданная профессором Джабой Иоселиани организация «Мхедриони» уже не скрывала, что вооружается для борьбы с непредсказуемой политикой одиозного президента. Гамсахурдиа знал, что Иоселиани был бывшим «вором в законе». Но использовать подобный штамп против своего оппонента он не мог, иначе ему припомнили бы собственное сотрудничество с КГБ. Гамсахурдиа уехал домой далеко за полночь, но так и не смог уснуть в эту ночь, отчетливо понимая, насколько сложна обстановка в Грузии независимо от событий в Москве. А если там победят члены ГКЧП, то его собственное смещение будет лишь вопросом времени. Хотя никто не гарантирует ему спокойную жизнь даже в случае их поражения.

Не спал в эту ночь бывший член Политбюро и бывший первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев. Ему нелегко дался выход из партии. Он был не просто партийным или советским чиновником. Этот человек провел больше четверти века в органах государственной безопасности, пройдя путь от рядового сотрудника до председателя и генерала КГБ. В Советском Союзе звание генералов КГБ не давали диссидентам или сомневающимся политикам. Это был абсолютно прагматичный, умный, волевой, сильный руководитель, лучше других политиков понимающий степень деградации некогда великой идеи и единой страны. Он находился в эту ночь в Нахичевани. Алиев не сомневался, что противостояние в Москве так или иначе отразится на всех республиках, и прекрасно знал, что земляки защитят его от любых попыток задержания или ареста. Вместе с тем он отчетливо видел, что вторая супердержава в мире уже корчится в судорогах распада, и нет прежних сил и энергии не только для того, чтобы повернуть ситуацию вспять, но даже попытаться сохранить существующую страну. Невероятный парадокс этого незаурядного политика состоял и в том, что, будучи генералом КГБ, он станет всенародным лидером, которому после его смерти будут ставить памятники и поклоняться его памяти. На его похороны, уже спустя много лет, прилетит Президент России Владимир Путин, который неожиданно для многих сделает сенсационное признание, что «любил и уважал этого человека».

Не спал в эту ночь Анатолий Лукьянов. Позже Председателя Президиума Верховного Совета СССР назовут идеологом заговорщиков. Он действительно поддерживал их изо всех сил. Еще в прошлом году, когда Горбачев решил стать Президентом СССР, Лукьянов предложил ему идти на всеобщие выборы, чтобы получить мандат доверия, но Михаил Сергеевич категорически отказался. Он знал, что многие миллионы людей просто не захотят голосовать за его кандидатуру, а допустить избрание с минимальным перевесом над возможным оппонентом не хотел. Поэтому избрал вполне безопасный путь выборов президента страны на съезде народных депутатов. Нужно отдать должное Горбачеву, он уже в девяностом году понимал, насколько ничтожны его шансы на избрание по всей стране.

Лукьянов лучше других знал характер своего давнего университетского товарища – его непоследовательность, половинчатость, многословность, нерешительность, неспособность принимать ответственные решения и отвечать за них, поэтому был уверен, что вариант с

задержкой Горбачева в Форосе и передача части его функций другим товарищам будет наилучшим вариантом для страны. Но он явно переоценил возможности «товарищей». Премьер Павлов неожиданно слег с гипертоническим кризом, а Янаев явно не подходил на роль даже руководителя провинциального театра. Бакланов и Шенин в такой ситуации не захотели брать ответственность на себя.

Днем двадцатого августа к Лукьянову приехали вице-президент России Руцкой, премьер Силаев и спикер российского парламента Хасбулатов. Он уже знал, что перед Белым домом идет грандиозный митинг, на котором по очереди выступают многие известные политики, в том числе А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, Г. Попов, С. Станкевич. Приехавшие требовали срочного созыва Съезда народных депутатов, отзыва танков, встречи с Горбачевым и разрешения на выпуск запрещенных газет. Лукьянов уклонялся от ответов, обещая обдумать эти предложения. Он все еще надеялся, что силовые структуры смогут взять под свой контроль Белый дом, и не хотел связывать себя никакими обещаниями. Гости вышли из его кабинета раздосадованные и ничего не добившиеся.

– Он даже не собрал за эти дни заседание Президиума Верховного Совета, – возмущался Хасбулатов.

– Лукьянов вместе с ними, – убежденно отвечал Силаев. – Я давно его знаю. Он ничего просто так не делает. Все заранее продумывает и взвешивает. Наверное, ждет, когда Язов и Крючков возьмут штурмом здание Белого дома.

А Руцкой просто громко выругался.

Они вернулись в здание российского парламента с неприятными известиями. Оставшись один, Лукьянов пригласил к себе руководителей обеих палат Верховного Совета – Лаптева и Нишанова и рассказал им о требованиях прибывшей делегации. Оба спикера согласились с мнением Лукьянова, что не следует торопиться, заседание Президиума можно будет провести и двадцать первого августа. Никто из троих даже не подозревал, что уже к завтрашнему утру ситуация кардинально изменится, и Лукьянов, вылетевший за Горбачевым в Форос, сам предложит провести срочное заседание Президиума с осуждением создания ГКЧП. Благодарные и осторожные политики Нишанов и Лаптев сделают все, как им скажет Лукьянов. Но парадокс истории состоит в том, что именно под их руководством будет проводиться заседание Верховного Совета СССР, который даст санкцию и на арест самого Лукьянова. Хитроумный Анатолий Иванович переиграет сам себя и окажется под следствием по делу ГКЧП. А Иван Лаптев пойдет еще дальше и заявит, что Председатель Президиума Верховного Совета СССР вообще не нужен парламенту и заседания должны вести руководители палат по очереди. История посмеется и над ними, оборвав политические карьеры Лаптева и Нишанова уже через несколько дней после этого.

Словно предчувствуя все эти события, Лукьянов так и не сумел уснуть в эту ночь. Он понимал, как неубедительно и глупо выглядит, назначив заседание Верховного Совета только на двадцать шестое августа, тогда как российский парламент должен был собраться уже двадцать первого. И поэтому принял очень непростое для себя решение полететь в Форос на встречу с Горбачевым. Узнав о жертвах у Белого дома, он позвонил Ивашко. Заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС, формальный лидер огромной партии в отсутствие Горбачева почти никак не проявлял себя в эти сложные дни. Он молчаливо предоставил инициативу Шенину, решив подождать, чем все это закончится. Но на ночной звонок Лукьянова и его предложение вместе лететь к Горбачеву он сразу дал согласие.

Не спал в эту ночь министр внутренних дел СССР Борис Карлович Пуго – один из самых порядочных и принципиальных политиков своего времени. Когда-нибудь, возможно, его жизнь будет описана в серии, посвященной самым известным людям прежней страны. Проработав на ответственных должностях в КГБ Латвии, он сделал все, чтобы реабилитировать незаслуженно высланных и осужденных, вернуть добрые имена многим своим соотечественникам.

Более ста сорока осужденным и высланным были возвращены их добрые имена или прекращены дела в их отношении. Будучи первым секретарем ЦК Компартии Латвии в самые сложные времена середины восьмидесятых, он сохранял свои убеждения и вместе с тем пытался провести республику между ситуацией неуправляемого хаоса и нового возрождения Латвии, требуя большего суверенитета и независимости. При этом Пуго искренне полагал, что Латвия может развиваться и в составе обновленной страны. А став министром внутренних дел Советского Союза, он требовал неукоснительного соблюдения всех законов и решительно боролся со всеми случаями коррупции в рядах МВД. Возможно, за последние тридцать или сорок лет это был самый некоррупцированный министр, если считать со времен перестройки. Событие в Мядининкае выбило его из колеи. Он одним из первых узнал о том, что в убийстве литовских таможенников и полицейских могут обвинить сотрудников ОМОНа, и это стало его личной трагедией. Получая информацию со всего Союза, Пуго искренне полагал, что введение чрезвычайного положения может остановить распад страны и позволит стабилизировать ситуацию. Но два последних дня стали для него неприятным откровением. Сегодня днем ему принесли шифrogramму генерала Дунаева: «Обеспечьте автотранспортом прибывающих в Москву курсантов школ милиции». Пуго понял, что уже завтра может начаться вооруженное противостояние, и дал телеграмму: «Строжайшим образом предупреждаю о персональной ответственности за неукоснительное исполнение постановлений ГКЧП и изданных на их основании приказов министра МВД». Но это будет уже последнее распоряжение Пуго.

Он видел, как в Москве люди не хотят и не могут смириться с созданием ГКЧП, получал сообщения о выступлениях в Прибалтике, где уже давно требовали независимости его земляки. Поздно ночью ему сообщили, что есть погибшие. Подробности еще не были известны, но Пуго позвонил Язову и узнал об одном задавленном и двоих убитых демонстрантах. Язов подтвердил, что танки утром начнут выходить из города, а они вчетвером полетят за Горбачевым. Пуго поблагодарил маршала и положил трубку. Больше он уже не сомневался в том, что ему предстоит делать. В четвертом часу утра перезвонил в Ригу, узнал от оперативного дежурного, что в Латвии ситуация достаточно спокойная, и, закончив разговор, проверил свое личное оружие. Сообщение маршала Язова о том, что они полетят за Горбачевым в Форос, поставило окончательную точку в его сомнениях. Он сидел на пресс-конференции с Янаевым рядом, в отличие от министра обороны, значит, должен нести персональную ответственность за создание ГКЧП и свое участие в этом Комитете. На следующий день, не дожидаясь своего возможного ареста, Пуго застрелился. Он был и остался принципиальным человеком, не способным на компромиссы и сделки даже с собственной совестью.

Генералов Баранникова и Дунаева Ельцин позже снимет с их должностей по обвинению в коррупции, затем они примут участие в противостоянии парламента с президентом, будут арестованы и оба амнистированы. А Пуго предпочтет позору самоубийство.

На следующий день танки начали выходить из города. В Белом доме открылась сессия Верховного Совета РСФСР, которая сразу осудила действия членов ГКЧП. Было решено послать представительную делегацию за Горбачевым. Ельцину сообщили, что во Внуково стоят самолеты, готовые лететь за Президентом СССР. Российскому МВД был отдан приказ захватить самолеты, но оперативники приехали слишком поздно. Самолет с Баклановым, Тизяковым, Язовым и Крючковым полетел в Форос. Следом полетел второй самолет – с Лукьяновым и Ивашко и почти сразу вылетел третий – с российской делегацией...

Двадцать первого августа вечером Михаил Сергеевич Горбачев вернулся в Москву. Начались самые позорные и самые трагикомические дни агонии некогда великого государства.

Ремарка

Поздно вечером двадцать первого августа в прямой эфир казахстанского телевидения вышел с важным срочным сообщением президент республики Н. Назарбаев. Он сообщил, что несколько минут назад говорил с Президентом СССР М.С. Горбачевым, который сообщил ему, что находится в изоляции в Крыму на своей даче и обо всем, происходящем в стране и мире, узнает из сообщений радиоприемника, сконструированного из оставшихся запасных частей сотрудниками охраны, которые остались ему верны в его трехдневном заключении. Он спросил Н. Назарбаева о положении в стране и добавил, что в двух разных комнатах его приема ждут прибывшие из Москвы официальные лица. В первой находятся Лукьянов и Ивашко, во второй – Бакланов, Тизяков, Язов и Крючков. Назарбаев посоветовал не принимать никого до приезда «нашей» делегации, как сказал сам Президент Казахстана, имея в виду прибытие российской делегации с представителем Казахстана на борту. Президент СССР поблагодарил всех за твердую и принципиальную позицию, приверженность законной государственной власти СССР.

В. Ардаев. «Известия», 1991 год

Ремарка

Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр заявил, что он воспринял новость о восстановлении законности в Советском Союзе с глубочайшим удовлетворением. «Я убежден, – сказал он, – что после этого испытания законные власти СССР продолжают неуклонное продвижение по пути демократии, и президент Горбачев продолжит проведение политики, столь эффективно способствующей созданию климата мира, справедливости и взаимопонимания между народами».

Сообщение Рейтер

Ремарка

Президент США Джордж Буш на встрече с журналистами подчеркнул, что члены ГКЧП «недооценили народную мощь и то, что приносит людям вкус демократии и свободы». Буш заявил, что позиция США состоит в поддержке тех, кто пришел к власти законным путем. Впервые Президент США отметил роль российского президента. «Ельцин получил власть конституционным путем, и в этом все дело», – подчеркнул Буш.

Сообщение Си-эн-эн

Ремарка

Премьер-министр Великобритании Джон Мейджор назвал «чудесным» известие о том, что правый военный переворот в СССР потерпел провал. «Думаю, что теперь уже все позади», – заявил он. Мейджор приветствовал Президента РСФСР Бориса Ельцина. «Не только то, как он руководил, но и проявленное им и его сторонниками подлинное мужество в течение последних двух суток завоевали восхищение во всем мире». По сообщению газеты «Таймс», в беседе с высокопоставленными британскими официальными лицами Мейджор, который в настоящее время председательствует в группе семи ведущих индустриальных стран, сказал, что, по его мнению, вопрос об оказании существенной экономической помощи СССР заслуживает нового обсуждения. Он намерен затронуть эту тему в ходе намеченных перегово-

воров с Президентом США и готов предложить пересмотреть позицию, которую «семерка» заняла в Лондоне, отказав Президенту СССР в предоставлении 7,3 миллиарда фунтов, которые могли бы быть использованы для стабилизации советской экономики перед широкомасштабными реформами.

Сообщение Би-би-си

Ремарка

Правительство Финляндии выразило чувство облегчения в связи с благоприятным поворотом событий в Советском Союзе. «Признаемся, что оно оказалось неожиданным для всех. Наше руководство не спешило с поздравительными телеграммами в адрес новых правителей Кремля, хотя прекрасно понимало, что большая часть советских людей подчинится сложившейся ситуации, ибо альтернативой могла стать гражданская война». Однако события последних дней показали, что народ не готов покориться благодаря чему произошло возвращение Горбачева обратно в Москву.

«Хельсингин саномат», 1991 год

Ремарка

Федеральный канцлер ФРГ Гельмут Коль обещал Президенту РСФСР Борису Ельцину поддержку со стороны Германии политических и экономических реформ, осуществляемых демократическими силами в Советском Союзе. Как сообщает ведомство федерального канцлера, в ходе телефонного разговора с Ельциным Коль поздравил Президента РСФСР «с большим успехом, который расценивается немецкой стороной как личный успех лидера России, успех законно избранных представителей российского народа и его граждан». Гельмут Коль пригласил президента Ельцина посетить Германию в течение ближайших недель. Курс немецкой марки на валютных биржах впервые за несколько дней стабилизировался.

Сообщение Франс Пресс

Ремарка

По сообщениям ЮПИ, официальное китайское информационное агентство, поразившее всех наблюдателей оперативностью в распространении сообщения об отстранении Михаила Горбачева от власти, было полностью парализовано сведениями о быстрой ликвидации переворота в Советском Союзе. После того как в понедельник в СССР разразился кризис, Пекин выждал еще сутки, прежде чем распространить осторожный комментарий, в котором охарактеризовал переворот как внутреннее дело Советского Союза. Государственное китайское агентство Синьхуа на следующий день назвало лидера путчистов Геннадия Янаева президентом и подвергло цензуре сообщения о нарастающем народном сопротивлении и международном осуждении переворота.

Сообщение ЮПИ

Ремарка

Двадцать первого августа в Кремле председатели палат Верховного Совета СССР И.Д. Лаптев и Р.Н. Нишанов провели заседание Президиума Верховного Совета СССР. На заседании была рассмотрена ситуация, сложившаяся в стране в связи с созданием так называемого Государственного Комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и объявленными от его

имени решениями. Также присутствующим сообщили, что председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов вылетел в Крым для встречи с Президентом СССР М.С. Горбачевым. По обсуждаемому вопросу Президиум Верховного Совета СССР принял постановление, в котором говорится: «Считать незаконным фактическое отстранение Президента СССР М.С. Горбачева от исполнения его конституционных обязанностей и передачу их вице-президенту СССР. Внести на рассмотрение внеочередной сессии Верховного Совета СССР предложение о создании следственной комиссии для решения вопроса о привлечении к ответственности должностных лиц, виновных в нарушении Конституции СССР».

Сообщение ТАСС

Глава 2

Двадцать второго августа был четверг. Эльдар Сафаров проснулся рано утром, привычно сделал зарядку, почистил зубы, умылся, побрился. И поехал на работу. В метро только и говорили о вчерашнем возвращении Михаила Сергеевича Горбачева в Москву. Многие обратили внимание на его растерянный и непривычный вид в пуловере с расстегнутой рубашкой и в белой куртке. Женщины волновались за Раису Максимовну, которая выходила из самолета с «опрокинутым» лицом. Всех волновало, что именно произойдет сегодня, когда Горбачев снова вернулся к исполнению своих обязанностей. Кто-то крикнул, что нужно вешать всех коммунистов на соснах. На него сразу зашикали: этот провокационный крик многим явно не понравился. Но через одну станцию уже другой молодой человек громко сказал, что во всем случившемся виноваты в первую очередь коммунисты. И ему уже никто не возражал.

Громко говорили о том, что ночью собирались штурмовать здания КГБ на Лубянке и Центрального Комитета КПСС на Старой площади, но пока оба здания стояли нетронутыми. Казалось, что в течение одной ночи, одного дня неожиданно исчез тот генетический страх, который сидел в людях долгие десятилетия, когда за рассказанный анекдот можно было попасть в лагерь, а невинная шутка про политиков могла обернуться годами тюрьмы. Люди перестали бояться, и это тоже было одним из главных итогов последних лет. Но вместе с тем со свободой пришло чувство пьянящей вседозволенности. Так бывает во все времена и после всех революций, когда бывшие рабы осознают себя свободными, начинают крушить прежних идолов и мечтают не о свободе для всех, а о том, как быстрее восстановить порядок, стать хозяевами и завести собственных рабов. Чтобы стать подлинно свободным человеком, нужно долго и целенаправленно трудиться, возвращая собственную душу путем самоограничений и нравственных запретов.

Сафаров вышел из метро и купил свежие газеты. Многие написали о сегодняшнем заседании Верховного Совета России. Пока еще не были напечатаны подробности о возвращении Президента СССР в Москву, но тон газет уже изменился. Эльдар вспомнил книгу Тарле, когда тот приводил заголовки французских газет, менявшиеся по мере продвижения Наполеона к столице во время его знаменитых «ста дней».

Вышедшие в понедельник газеты еще не знали о введении ГКЧП и поэтому были заполнены общей информацией, хотя некоторые газеты к этому времени были уже запрещены. А двадцатого, во вторник, уже печатались все постановления созданного Комитета, обращение к советскому народу, а также заявления советского руководства. Многие газеты сообщали о неконструктивной позиции российского руководства, призывающего к неподчинению указам ГКЧП, и отмечали, что по всей стране сохраняется спокойствие. Двадцать первого августа, когда уже пролилась первая кровь, газеты печатали призывы о сохранении целостности государства, постановление Кабинета министров СССР, предлагали «проявить максимум выдержки», сообщали, что «мир обеспокоен», и призывали не совершать «необдуманных шагов». Двадцать второго августа газеты резко изменили свой тон. Теперь в заголовках были сообщения о чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР, стояли хлесткие заголовки – «Реакция не прошла», «Путч обреченных», печатались гневные заявления организаций и граждан, не согласных с введением ГКЧП. Люди словно соревновались в том, кто быстрее и лучше осудит бывших руководителей страны, а заодно и сдаст кого-то из своих товарищей, обвинив их в тайных симпатиях незаконно созданному Комитету.

Эльдар принес эти газеты в кабинет, где они работали с другими сотрудниками юридического отдела. Уже было известно, что руководитель аппарата Валерий Иванович Болдин сегодня на работу не вышел. Начали снова возвращать уже снятые портреты президента Гор-

бачева. Руководитель их группы Элина Никифоровна Дубровина встречала своих сотрудников радостной улыбкой и поздравлениями.

– Наш дорогой Михаил Сергеевич вернулся в Москву, – широко улыбалась она. – Как хорошо, что этот кошмар закончился. И с каким мужеством держался уважаемый Борис Николаевич Ельцин, – не скрывала Дубровина своего восторга.

– По-моему, он вам никогда не нравился, – не удержался Снегирев.

– Я всегда была на стороне законной власти, – возразила Дубровина. – Мы юристы и должны строго следовать букве закона. Создание ГКЧП было незаконной акцией, настоящей авантюрой, которая быстро закончилась. Очень жаль, что наш Валерий Иванович тоже подержал этих недостойных людей. Его наверняка обманули...

– Как и некоторых из нас, – иронично добавил Тулупов.

– Нас никто не обманывал, – ответила Дубровина. – Мы всегда честно и достойно выполняли свой долг. А наш сотрудник Сафаров даже летал в Форос на встречу с уважаемым Михаилом Сергеевичем по моему предложению. Должна вам признаться, что Болдин был категорически против этой поездки, но я настаивала на этом, считая, что документы должен отвезти сотрудник нашего отдела и ознакомить с ними высокоуважаемого Михаила Сергеевича.

Раздался телефонный звонок, и она быстро сняла трубку. «Сейчас буду», – бросила коротко и почти бегом вышла из комнаты. Когда она ушла, Снегирев добродушно заметил:

– Просто поражает, как быстро наша Э. Д. поменяла свою позицию.

– Не меняют свои убеждения только дураки и покойники, – назидательно произнес Тулупов.

– Еще вчера утром она считала Ельцина авантюристом и требовала ареста всех российских руководителей, – напомнил Снегирев, – и, между прочим, хотела снять у нас портрет Горбачева, но мы уговорили ее подождать еще один день. А сейчас она становится настоящим демократом. Просто поразительно, как могут меняться люди.

– И всем нам тоже нужно меняться, – сказал циничный Тулупов. Он раньше работал адвокатом и никогда не скрывал своего скептицизма ко всему, что происходило в последние месяцы в стране. – Вы слышали, что ночью происходило у здания КГБ? – спросил он. – Кажется, их собираются взять штурмом. Представляю, какое количество стукачей найдут среди документов КГБ! Веселая была страна, каждый второй стучал на каждого третьего, а тот доносил на каждого четвертого...

– Не нужно так говорить, – нахмурился Снегирев. – Некоторых вербовали насильно, запугивали, шантажировали, обманывали. Там было много обманутых и несчастных людей, вынужденных сотрудничать с органами.

– Дорогой мой, – снисходительно произнес Тулупов, – вы, видимо, ничего не поняли. Я однажды разговаривал с одним генералом КГБ. Вы действительно считаете, что в наше время были обманутые и запуганные? Это не совсем так. Он мне честно сказал, что у них в КГБ была своя очередь из людей, мечтающих стать стукачами, сдать своих близких. Вы увидите, что начнется именно сейчас, когда будут искать всех, кто был причастен к ГКЧП. А причастными были все руководители страны. Сейчас говорят, что это заговор. Согласитесь, какой-то странный и непонятный заговор, в котором участвуют все высшие должностные лица страны, без исключения. Не считая одного Михаила Сергеевича.

– Вот видите, – неожиданно улыбнулся Снегирев, – вы тоже стали более свободным и раскованным. Раньше не позволяли себе подобных речей в нашем отделе.

– Вы еще не поняли, что наш прежний мир опрокинулся, – ухмыльнулся Тулупов, – и, похоже, навсегда. Боюсь, что теперь у нас не будет больше партийной организации в администрации президента, и я не смогу сделать настоящей партийной карьеры. А ведь меня выбрали заместителем секретаря парторганизации буквально три месяца назад. Даже немного обидно...

– Нужно срочно готовить указы президента, – заявила вернувшаяся с целым пакетом бумаг Дубровина, – на несколько человек, которые будут временно исполнять обязанности уже отстраненных министров. Вместо Язова обязанности министра обороны будет выполнять генерал Моисеев, вместо Пуго обязанности министра внутренних дел поручаются генералу Трушину, а все дела председателя КГБ передаются генералу Шебаршину. Пока нужно подготовить указы на этих троих.

– Нашли кого назначать, – пробормотал Снегирев. – Моисеев – начальник Генерального штаба, и не мог не знать, что происходит в Министерстве обороны; Шебаршин был заместителем Крючкова, а Трушин – заместителем Пуго. Это все равно что сейчас назначить Янаева исполнять обязанности Горбачева. Если так пойдет дальше, следующий заговор будет уже через две недели.

– Как вам не стыдно! – возмутилась Дубровина. – Это достойные и очень преданные государству генералы. Наш президент считает возможным их назначение, а вы еще смее комментировать эти назначения... Знаете, Снегирев, всему должна быть какая-то мера. Если вы не прекратите подавать подобные реплики, мы будем вынуждены с вами расстаться. Не забывайте, что у нас наступили новые времена. И прошедший путч научил нас ценить по-настоящему преданных и добросовестных людей. Готовьте указы. И еще я должна сообщить вам две новости. Уже готовы проект решения о снятии премьер-министра страны – его готовили без нас – и распоряжение Горбачева об отстранении от своей должности Болдина и назначении вместо него Григория Ивановича Ревенко.

– Чего и следовало ожидать, – сказал Тулупов, – я думаю, что еще попросят разрешения на арест нашего бывшего руководителя.

– Уже попросили, – неприятно улыбнулась Дубровина. – И на всех остальных тоже готовят запросы. Они все пойдут в тюрьму. – Бакланов, Шенин, Тизяков, Стародубцев, Болдин. Все, кто были депутатами СССР. Им оказали такое высокое доверие, а они предали своего руководителя. Предали нашу страну.

– Руководителя предавать нехорошо, – согласился Тулупов, – даже опасно и глупо.

– Что вы хотите сказать? – насторожилась Дубровина.

– Ничего. Хочу выразить свое согласие с каждой из произнесенных вами фраз. Подчеркиваю – с каждой.

Она хотела что-то ответить, но в этот момент раздался звонок телефонного аппарата на столе у Сафарова. Это был городской телефон, и Эльдар снял трубку.

– Здравствуй, Эльдар, – услышал он знакомый голос Михаила Алексеевича Журина, работавшего с ним в аппарате ЦК КПСС. – Как у вас дела?

– Все нормально, – удивился Сафаров. – А почему вы спрашиваете?

– У нас неприятности. Собралась толпа людей и бьет наши стекла, а сотрудники милиции им не мешают. Можешь себе такое представить? Мы уже звонили в КГБ, но они сказали, что это не их дело. У них свои проблемы. В любой момент эти возбужденные люди могут сюда ворваться и нас линчевать. И боюсь, что их уже никто не остановит.

– Не может быть! – возмутился Эльдар. – Бьют стекла на Старой площади? Туда раньше даже подходить боялись.

– А теперь перестали бояться. Я тебе говорю, что бьют стекла и выкрикивают угрозы в наш адрес. Вам там хорошо, за Кремлевской стеной, а у нас с некоторыми женщинами уже истерика. Ко мне заходил Аверьянов из отдела пропаганды. Ты его, наверное, помнишь, настоящий мужик. Он предлагал выйти и честно побеседовать с собравшимися, но его не пустили. Говорят, что после перерыва будет какое-то специальное заявление секретариата. Вот такие дела.

– Понимаю, как вам сложно, – посочувствовал Сафаров.

– Даже не представляешь. Перед зданием КГБ тоже собираются люди. Там вообще положение катастрофическое. Они жгут документы и вывозят самые секретные дела куда-то в другие места. Мне звонил Роберт Коломенцев, говорит, что там просто не знают, что им делать. В общем, у нас может быть такой «румынский вариант». Только не с президентом, а с людьми из его окружения. Будут ловить и линчевать прямо на улицах. Как ты считаешь, я смогу уехать и спрятаться у вас в Баку?

– Думаю, что до этого не дойдет, – усмехнулся Эльдар.

– А я думаю, что дойдет. Сейчас может произойти все, что угодно. На этой волне победившей демократии могут взять штурмом не только наше здание, но и здание КГБ на Лубянке. Ты слышал, что вчера арестовали Крючкова и Язова? И еще говорят, что Пуго застрелился.

– Не может быть! – ошеломленно пробормотал Сафаров.

– Вот такие дела. Сидим и ждем, чем все это закончится. Считаю, что тебе повезло: успел вовремя соскочить из этого осинового гнезда. А мое назначение прокурором теперь точно накрылось. В лучшем случае отправят куда-нибудь юрисконсультком, в худшем – посадят в тюрьму или прибьют в собственном кабинете как настоящего партократа. Нужно было давно отсюда переходить! Вот так глупо все получилось. Сидел и ждал, пока не предложат что-нибудь стоящее. Хотел сразу перейти в союзную прокуратуру членом коллегии, поэтому и засиделся... В общем, считай, что мы говорим с тобой в последний раз. Прощай.

– Я думаю, что не все так плохо, – попытался успокоить бывшего коллегу Эльдар.

– Все намного хуже, чем мы даже можем себе представить, – убежденно произнес Журин. – Вчера окончательно провалилась попытка спасти нашу страну. Теперь нам действительно никто уже не поможет – «ни Бог, ни царь и не герой». Теперь мы обречены на всеобщий бардак и развал. Это я тебя говорю. Увидишь, что произойдет в ближайшие дни.

– Я вас не совсем понимаю...

– Уверен, что Михаил Сергеевич сюда больше никогда не вернется, – признался Журин. Он, кажется, забыл или даже не хотел вспоминать, что его телефон мог прослушиваться. – Наша партия ему просто надоела. Обрыдла. Учítывая, как активно мы пытались провести внеочередной Пленум в его отсутствие... Я тебе говорю, а ты запомни: он сюда больше никогда не вернется. Наверное, выйдет из партии или уйдет с должности Генерального секретаря. А нам оставит Ивашко. Фамилия у него такая, Ивашко-Неволяшко. Смешно?

– Не нужно по телефону, – предостерег шурина Эльдар.

– Мне уже ничего не страшно. Когда за окнами собираются молодые «хунвейбины», готовые нас растерзать, глупо думать о том, что подумает начальство о твоих крамольных речах. Начальство сейчас думает, как вылезти из этого дерьма. И, кажется, они попытаются вылезти сами, а нас всех просто утопить. Ну, держись, пока. А то я действительно могу наговорить лишнего.

Сафаров положил трубку, посмотрел на своих коллег. Все трое молча ждали объяснений.

– В здании ЦК КПСС бьют стекла, – пояснил он, – кажется, хотят взять здание штурмом. Вчера ночью застрелился Борис Карлович Пуго. Уже арестованы Крючков и Язов.

– Всех заговорщиков ждет строгое наказание, – попыталась произнести свою речь Дубровина, но Эльдар, неожиданно даже для самого себя, строго перебил ее:

– Перестаньте! Не нужно так говорить. Я его лично знал. Это был глубоко порядочный и честный человек...

– Порядочные люди не служат в милиции, – вставил Снегирев.

– Служат, – сказал Сафаров, – иногда встречаются и такие парадоксы.

– Что ему оставалось делать? – цинично спросил Тулупов. – Если бы не застрелился, то отправился бы в тюрьму, как Язов или Крючков. Подождите еще, скольких посадят после нашей славной августовской революции...

– Давайте прекратим эти разговоры, – предложила Дубровина. – Мы обязаны работать, а не болтать. Снегирев, возьмите бумаги и готовьте проекты указов президента.

Раздался еще один телефонный звонок, и все дружно посмотрели на аппарат. Элина Никифоровна сняла трубку, выслушала и коротко сказала, что поняла. Затем обернулась к своим сотрудникам:

– Михаил Сергеевич дает пресс-конференцию в здании МИДа, включите телевизор. Сейчас сообщили, что арестован бывший премьер-министр Павлов. Нужно соединиться с юридическим отделом Верховного Совета. Они готовят бумаги с согласием Президиума Верховного Совета на арест Шенина, Бакланова, Тизякова и всей этой компании. . .

– Но заседание Верховного Совета СССР намечено на понедельник, – напомнил Снегирев. – Они не имеют права. . . Нужно подождать до понедельника.

– Хватит спорить, Снегирев. Документы уже оформляются, – разозлилась Дубровина, – и не вам решать за них, как следует поступать Президиуму Верховного Совета. Тулупов, позвоните туда и уточните, какая помощь им нужна.

– Все правильно, – заметил Тулупов. – Лукьянов дает согласие на арест своих бывших товарищей. Раньше была трагедия, а сейчас – настоящий фарс.

– Что вы хотите этим сказать? – нахмурилась Элина Никифоровна.

– В тридцать седьмом году маршал Блюхер входил в состав суда, осудившего его коллег – Тухачевского, Уборевича и целую компанию военачальников, – пояснил Тулупов. – А потом, примерно через год, арестовали и самого Блюхера, забив его до смерти в тюрьме. Я думаю, что после этой первой группы «заговорщиков» арестуют и самого Лукьянова, который вел себя так непоследовательно. Или снимут с работы как минимум. Раньше была трагедия, а сейчас настоящий фарс, когда товарищи сдают друг друга.

– Ваши параллели абсолютно неприемлемы, – гневно произнесла Дубровина. – Не понимаю, что с вами происходит! Берите пример с Сафарова. Он все время молчит.

– А он бывший партократ, – напомнил Тулупов, – поэтому и молчит. Понимает, что теперь могут вспомнить его прежние должности в аппарате «заговорщиков».

Эльдар усмехнулся. В каждой шутке есть лишь доля шутки. Возможно, Тулупов прав и вскоре действительно начнется «охота на ведьм». . .

Ремарка

В ночь с двадцать второго на двадцать третье августа по санкции Генерального прокурора СССР арестованы секретарь ЦК КПСС О. Шенин, бывший первый заместитель председателя Совета Обороны СССР О. Бакланов, бывший руководитель аппарата Президента СССР В. Болдин, начальник управления охраны КГБ СССР Ю. Плеханов, главнокомандующий сухопутными войсками страны, заместитель министра обороны СССР В. Варенников. Оперативники выехали за председателем крестьянского союза В. Стародубцевым, находящимся за пределами Москвы. Все они, кроме Ю. Плеханова, народные депутаты СССР, и согласие на их привлечение к уголовной ответственности на арест дал Президиум Верховного Совета СССР.

Комментирует Генеральный прокурор СССР Николай Трубин:

– Следствие по делу ГКЧП только разворачивается. На допросах называются все новые и новые фамилии. Средства массовой информации приводят разоблачительные факты, которые мы будем и обязаны проверять.

– Уголовное дело об августовском путче расследует прокуратура России. Не случится ли прибалтийский вариант двойных следственных групп по данному уголовному делу?

– Генеральный прокурор РСФСР В. Степанков вправе принимать самостоятельные решения и возбуждать уголовные дела. Мы намерены создать совместную следственную группу.

– Судя по размаху заговора и должностному положению арестованных лиц, следствие может затянуться на годы.

– Мы постараемся уложиться в несколько месяцев по основным членам ГКЧП. Параллельно будем вести следствие в отношении других должностных лиц, причастных к заговору.

– Говорят, что, находясь в служебной командировке на Кубе, вы одобрили деятельность ГКЧП.

– Это ложь. Журналисты неправильно вырвали мои слова из беседы на пресс-конференции. Не скажу, что я, находясь на Кубе, ясно представлял себе ситуацию в стране. Но то, что образование ГКЧП противоречит Конституции страны, не вызывало у меня сомнений с самого начала.

«Известия», 1991 год

Ремарка

За несколько часов до того, как М.С. Горбачев подписал Указ об освобождении А. Бессмертных от обязанностей министра иностранных дел СССР, глава внешнеполитического ведомства провел заседание Коллегии министерства, где проинформировал о действиях министерства и министра во время провалившегося антиконституционного путча...

Согласно версии А. Бессмертных, которую он изложил на Коллегии, руководство МИДа не сотрудничало с ГКЧП и не исполняло указаний Комитета. Однако, как свидетельствует начальник управления международных организаций Министерства иностранных дел СССР С. Лавров, ему удалось лично ознакомиться с текстом телеграммы, отправленной по указанию бывшего министра в советские загранучреждения утром девятнадцатого августа. Копии телеграммы, по словам С. Лаврова, получили только заместители министра, поэтому о ней мало кто знал. По свидетельству дипломатического корреспондента ТАСС К. Войцеховича, она содержала ключевую фразу: «Руководствуйтесь указанными документами в своей работе».

Среди тех, кто проявил особое рвение в прислужничестве новоявленному «советскому руководству», один из высокопоставленных дипломатов назвал Леонида Замятина (Великобритания), Владимира Терехова (Германия), Юрия Кашлева (Польша), Юрия Дубровина (Франция), Николая Успенского (Швеция).

В. Надеин. «Известия», 1991 год

Ремарка

Шеф КГБ Владимир Крючков, арестованный за участие в руководстве переворотом по отстранению от власти президента Горбачева, не раскаивается в содеянном. «Не думаю, что я в своей жизни совершил нечто такое, что моя Родина может поставить мне в вину», – заявил он на первом допросе. Он заявил также, что верит в объективное и непредвзятое расследование. «Глубокое и полное изучение этого дела позволит убедиться в моей невиновности. В этом случае будет принято оптимальное решение, которое позволит мне быть выпущенным и продолжить работу, чтобы принести какую-то пользу моей Родине, интересы которой всегда представляли для меня высшую ценность».

Сообщение Си-би-эс

Глава 3

Он почти не спал и в эту ночь. Прибыв в Москву под утро, лишь немного отдохнул, потребовав, чтобы его пресс-конференция была назначена на утро. Горбачев торопился. Он понимал, какое значение будет иметь эта первая пресс-конференция сразу после возвращения из Фороса. С одной стороны, нужно было успокоить людей, не дать разгуляться страстям, с другой – опередить возможные заявления высших должностных лиц страны, причастных к созданию ГКЧП. Иначе могло выясниться, что никакого заговора, собственно, и не было. Все документы готовились с начала августа и были заранее согласованы с Михаилом Сергеевичем, который понимал, что будет иметь сразу две возможности – либо подписать двадцатого августа Союзный договор, либо ввести чрезвычайное положение. С Союзным договором его торопили республики, и особенно российские представители. Ельцин не хотел ждать. Победив в июне, он уже в июле начал предпринимать энергичные меры по подписанию этого договора, резко ограничивавшего полномочия союзных властей в пользу республиканских.

Спустя много лет Ельцин расскажет, что Горбачев знал о готовящихся документах, о возможном введении чрезвычайного положения. И не просто знал, а фактически разрешил готовить все эти документы и постановления. Иначе никогда бы не состоялся сам ГКЧП. Любому непредвзятому исследователю понятно, что такие фигуры, как Янаев или Язов, просто не годились в заговорщики по складу своего характера и своим убеждениям. Другое дело, что там были еще и Павлов, Крючков, Бакланов, Шенин, которые искренне считали, что Горбачев ведет страну в пропасть и подписание Союзного договора будет катастрофой для страны. Но и они никогда бы не пошли на антиконституционные действия, если бы не получили одобрение самого президента на подготовку введения чрезвычайного положения.

Однако к утру двадцать второго августа почти все были отстранены от своих должностей и арестованы. И никто не посмел высказаться в их защиту. Горбачев прибыл на Зубовскую площадь, в здание МИДа, и начал свою пресс-конференцию. Он подробно рассказывал, как появившиеся гости «бесцеремонно прибыли в Форос и потребовали срочной встречи». Их повсюду пропускала охрана, так как с прибывшими был начальник управления охраны КГБ СССР генерал Плеханов. Трое прибывших вошли к Михаилу Сергеевичу и начали говорить о создании Комитета. Это были Варенников, Шенин и Болдин.

Горбачев достаточно честно сообщил, что он отказался визировать документы созданного Комитета. Ему не понравился сам тон прибывших и их ультимативный вызов – либо подписать документы, либо уйти в отставку. Особенно неприятно было то, что среди них оказался Валерий Болдин, которого он считал своим самым близким человеком. Горбачев отказался подписывать документы, гости уехали, и ему отключили телефоны.

Он подробно и, как всегда, многословно рассказывал, в каких тяжелых условиях находился сам и его семья в Форосе, как они отказывались от новых продуктов, как рисковали оставшиеся с ними охранники, как его лишили всех средств связи и он слушал «Свободу», «Голос Америки» и Би-би-си на русском языке. Ему так не хотелось отвечать на неудобные вопросы, но они прозвучали. Один из журналистов спросил: «Как могло получиться, что все высшие руководители страны так дружно выступили против президента?» Горбачев не смутился: «Я им доверял, особенно Крючкову и Язову, – сообщил он, – но они меня подвели». – «В таком случае почему заговорщики полетели к вам? – удивлялся уже другой журналист. – Ведь фактически они выступали именно против вас?» Горбачев пояснил, что «благодаря непримиримой позиции России и руководства других республик, когда заговорщики поняли, что ни народ, ни армия не пойдут за ними, они начали в панике искать выход и бросились ко мне. Но я их не принял», – быстро добавил он.

В этом ответе почти все было не совсем точно. Руководство России действительно не признало и не могло признать создание ГКЧП, который в первую очередь создавался именно против политики российских властей. Ни одна союзная республика не посмела выступить так же открыто и явно против ГКЧП, как это сделала Россия и ее президент. Даже прибалтийские республики не захотели создавать ненужной напряженности и давать повод для нового кровопролития. Промолчал даже такой непримиримый оппонент Кремля, как Президент Грузии Гамсахурдиа, который тоже не хотел устраивать ненужные проблемы в своей республике. Оппозиция позже обвинит его в непоследовательности, когда он откажется зачитывать в грузинском парламенте текст с осуждением ГКЧП. В этот момент Гамсахурдиа проявил больше политической мудрости, чем все его оппоненты. Дело было не в степени демократичности того или иного политика. Все понимали, что именно может произойти в случае победы ГКЧП, и Гамсахурдиа, как и армянский, молдавский, прибалтийские лидеры, просто не хотел подставлять свой народ и свою республику под танковые армады, которые могли немедленно войти в их столицу.

Народ почти повсеместно хранил молчание, рейтинг Горбачева, даже немного выросший в августовские дни, был катастрофически низким. Его не просто не любили, его не уважали и презирали, а для политика это хуже ненависти. И, наконец, армия выполняла все приказы своих командиров. Мифы о том, что Грачев и Лебедь якобы готовы были не подчиниться руководству Министерства обороны, были всего лишь послеавгустовскими мифами. Оба генерала понимали, чем грозит неподчинение приказам. Другое дело, что Грачев проявил большую гибкость и формально согласился выделить десантников для охраны законной российской власти. Но если бы ему объявили приказ о взятии Белого дома, он был обязан его выполнить или подать в отставку. Однако подобного приказа никто перед ним не ставил. И самое главное – большинство руководителей республик просто устали от непонятной и непоследовательной политики Горбачева. А после случившегося, когда Президенту СССР изменило все его окружение, его перестали считать серьезным политиком даже самые близкие ему люди.

На пресс-конференции прозвучал и самый неприятный вопрос. Один из журналистов сказал, что Эдуард Шеварднадзе, много лет проработавший с Горбачевым и знавший его гораздо лучше многих политиков, заявил, что еще нужно уточнить степень участия самого Михаила Сергеевича в организации ГКЧП. Он так и сказал – «уточнить степень косвенного участия или абсолютного неучастия Горбачева в этом заговоре». Пресс-секретарь Горбачева Виталий Игнатенко попытался ответить вместо президента, чтобы не подставлять своего шефа, но Михаил Сергеевич с горечью проговорил: «Пусть это останется на его совести».

Горбачев вернулся в Кремль, распорядившись назначить вместо Болдина нового руководителя аппарата. Вместо уволенных и арестованных Язова и Крючкова, а также застрелившегося Пуго он назначил временно исполняющими обязанности Моисеева, Трушина и Шебаршина. Указы президента были отправлены в ТАСС и во все газеты, зачитаны по телевидению. Самое неприятное ждало его впереди. Ближе к вечеру позвонил Ельцин.

– Я не понимаю, что вы делаете, Михаил Сергеевич, – сказал он с нажимом, едва услышав голос Горбачева.

– В чем дело? – насторожился тот.

– Эти трое, которых вы назначили, больше всех поддерживали созданный Комитет, – пояснил Ельцин. – Мне сейчас Баранников рассказал, как Трушин запрещал ему и Дунаеву вызывать в Москву курсантов школ для защиты Белого дома. А вы его ставите вместо Пуго, чтобы он опять нам что-нибудь придумал. И во главе армии нельзя ставить генерала Моисеева. Он, как начальник Генерального штаба, поддержал все решения Язова. У меня сидит генерал Кобец. Он успел созвониться со всеми командующими округами, и те подтвердили, что получали шифровки непосредственно от Моисеева. А что касается Шебаршина, то это вообще непонятно. Он был заместителем Крючкова и все знал о готовящемся заговоре, если лично не

принимал в нем участия. Нужно их всех немедленно снимать с этих должностей и назначать новых людей.

– Да, – растерянно сказал Горбачев, – но мы уже передали в ТАСС мои указы. По телевидению их уже зачитали.

– Отмените, – жестко потребовал Ельцин, – иначе люди нас не поймут. И замените их другими. Я буду у вас утром. – Он резко оборвал разговор и положил трубку.

Озадаченный Горбачев вызвал своего нового руководителя аппарата.

– Что с моими указами? – спросил он у Ревенко.

– Все нормально. Их уже передали в ТАСС, они пошли как официальная информация, – сообщил тот.

– Нужно завтра готовить указы на других, – нахмурился Горбачев. – Будем менять всех троих.

– Как всех троих? – изумился Ревенко. – Это невозможно! ТАСС уже передал ваши указы. Нас просто не поймут в мире.

– Мне звонил Борис Николаевич, – поморщился Горбачев, – и сказал, что у него есть точные сведения: все трое, в явной или не совсем явной форме, поддерживали создание ГКЧП.

– Они были заместителями своих руководителей, – напомнил все еще ошеломленный Ревенко. – Все трое – генералы, и обязаны были выполнять указания своих непосредственных начальников. Иначе невозможно работать. У них присяга, долг, наконец...

– Я тебя не понимаю, – мрачно произнес Горбачев. – Значит, получается, что ради присяги можно пойти на антиконституционные действия и выполнять любые приказы, даже самые преступные? Это неправильный подход. Нужно подумать, кем заменить всех троих, и как можно быстрее. – Он решил, что Ревенко не сможет с ним сработаться, и нужно подумать о новом руководителе аппарата. – Позвони Черняеву и переговори с ним. – Черняеву он верил больше остальных. Тот оказался вместе с ним в Форосе и не покинул президента в самые сложные часы его одиночества.

– Кравченко подал в отставку, – сказал Ревенко.

Кравченко был руководителем Гостелерадио.

– И правильно сделал, – махнул рукой Горбачев.

– Вы просили напомнить насчет руководства ТАСС, – добавил Ревенко, – чтобы послать туда достаточно опытного журналиста.

Горбачев согласно кивнул. Он все еще находился под впечатлением разговора с Ельциным и не мог даже предположить, что ждет его завтра, во время встречи с российскими депутатами. Утром следующего дня он принял решение об отставке министра иностранных дел Бесмертных. Получалось, что практически все, кто его окружал, были так или иначе замешаны в этом массовом выступлении против него. В мрачном настроении президент поехал на встречу с российскими депутатами. Ее транслировали по всем телевизионным каналам. Если до этого момента Горбачев еще сохранял призрачные, ничтожные шансы на сохранение своего политического лица, то после этой встречи весь мир понял, что он «политический труп». Прежний Президент СССР, глава супердержавы, хозяин полумира, руководитель одной из самых крупных партий мира просто перестал существовать. Вместо него был растерявшийся, несчастный человек с «опрокинутым лицом» и неясным бормотанием. Ельцин публично и сладострастно унижал Горбачева перед всем миром, подходил к Президенту СССР, тыкал пальцем, указывал, как себя вести и что именно следует читать. Он успел принять некоторую дозу алкоголя и был в ударе, демонстрируя свои незаурядные актерские способности, которые он будет неоднократно демонстрировать и позднее, обнимая королеву Норвегии с премьер-министром, бормоча про «малину со сливками», не выйдя из самолета на встречу с Президентом Ирландии и «дирижируя» оркестром при выводе советских войск в Германии.

Но нужно отдать ему должное. Он был настоящим победителем, сумевшим противостоять огромной советской машине, пусть уже износившейся и расстроеной, но все еще грозной и способной раздавить любого оппонента. Ельцин оказался сильнее. Он заставил Горбачева прочитать нужный ему текст и сделал больше для развенчания авторитета Президента СССР, чем все участники ГКЧП, вместе взятые. Показательно-публичное унижение Горбачева должно было продемонстрировать всему миру, насколько изменились властные полномочия советского и российского президентов.

Российские депутаты требовали «крови». Они видели, как ведет себя Ельцин, и соревновались друг с другом в хамском и неуважительном отношении к Президенту СССР. Ночью толпа, окружавшая здание КГБ, под восторженные крики собравшихся демонтировала памятник Дзержинскому на Лубянке. Можно по-разному относиться к самому «Железному Феликсу», поставив ему в вину создание карательных органов ВЧК – НКВД, можно вспомнить массовые репрессии Гражданской войны и «красный террор», который был таким ужасным и кровавым. Но можно заодно вспомнить и «белый террор», не менее ужасный и кровавый, и работу Дзержинского с детьми, когда тысячи оставшихся сиротами детей были найдены и отправлены в детские дома и интернаты. Но в любом случае сам памятник – это выдающееся произведение искусства, «державшее» всю площадь. Однако «новых революционеров» подобные эстетические расхождения не очень волновали. Памятник был демонтирован. На этом энергия толпы несколько выдохлась. Здание КГБ на Лубянке не стали брать штурмом. Все высшие офицеры КГБ с ужасом представляли, что именно может произойти, если в здание ворвутся люди, среди которых могут быть преступники и представители других государств. И хотя многие тысячи документов были уничтожены или вывезены из основного здания, оставшихся вполне хватало, чтобы вызвать настоящее политическое потрясение во всем мире. Но в данном случае разум возобладал, и в само здание никому не удалось ворваться.

Начался вывод войск из прибалтийских республик. Танки возвращались в свои казармы и гарнизоны, вся власть переходила в руки законно избранных парламентов и их руководителей. Некоторые из них не скрывали слез радости. Как заявил Ландсбергис, «теперь наша независимость необратима». Разгромленное здание литовского телевидения было возвращено местному правительству. А в Москве продолжалась вакханалия победителей.

Ведомства словно соревновались друг с другом, пытаясь оправдать свои действия. Принимались специальные заявления различных организаций. Многие политики спешили объяснить свои действия, чтобы не попасть под волну обвинений в сочувствии ГКЧП. В этой нарастающей волне подозрительности и мести со стороны победивших наиболее принципиальную и честную позицию занял председатель Верховного Совета Белоруссии Дементей – он подал в отставку. Двадцать четвертого августа состоялись похороны трех погибших парней – Владимира Усова, Дмитрия Комаря, Ильи Кричевского. Их хоронили торжественно, как героев. Горбачев объявил, что всем троим посмертно присвоено звание «Герой Советского Союза». Парадокс заключался в том, что все трое молодых людей как раз боролись против Советского Союза, за новую Россию, но подобные нюансы уже никого не смущали. Произошла трагедия, погибли люди, и Ельцин ждал траурную процессию у Белого дома, где торжественно попросил прощения у матерей троих погибших за то, что не смог их уберечь. Расстрел парламента и чеченские войны были еще впереди.

И в этот день произошла самая главная сенсация, которая мгновенно стала новостью номер один во всем мире. Горбачев уже понимал, как именно теперь будут относиться к нему в партии, ведь фактически все арестованные были членами Центрального Комитета. На первом же Пленуме или съезде они набросятся на него и потребуют его отставки. Он уже не сомневался в степени их ненависти. Поэтому именно двадцать четвертого августа объявил, что уходит с поста Генерального секретаря ЦК КПСС, при этом предложил партии самораспуститься.

Акт драмы был сыгран. Теперь нужно было ждать аплодисментов, которые должны были прозвучать во всем мире. И они прозвучали...

Ремарка

Как важнейшее политическое событие в Советском Союзе расценивают решение М.С. Горбачева сложить с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС. В США распространено заявление пресс-секретаря президента Буша, в котором говорится: «Объявлено о том, что Михаил Горбачев ушел в отставку с поста Генерального секретаря и потребовал отпуска Центрального Комитета партии. Мы приветствуем эту новость как еще один важный шаг на пути реформ».

Министр иностранных дел Франции Р. Дюма заявил, что после отставки М.С. Горбачева необходимо сделать все для ускорения процесса реформ в Советском Союзе. Представитель премьер-министра Великобритании приветствовал решение М.С. Горбачева, заявив, что оно не было неожиданным. Необходимо найти справедливую и демократическую альтернативу Коммунистической партии, не оправдавшей надежд в Советском Союзе и в других странах.

Сообщение ТАСС

Ремарка

Советский президент, по существу, был публично унижен перед лицом российского парламента.

«Файнэншил таймс»

Ремарка

Власть, очевидно, уходит из рук президента Горбачева и переходит к Ельцину.

«Индепендент», Лондон

Ремарка

Российский президент Борис Ельцин, власть которого резко возросла вследствие поражения путча ортодоксальных коммунистов, предал в пятницу советского президента Михаила Горбачева публичному унижению.

Сообщение Рейтер

Ремарка

Нас часто коробит форма обращения российских депутатов, а подчас и самого Б.Н. Ельцина с Президентом СССР. Для чего нужно было заставлять М.С. Горбачева, еще не оправившегося от шока, читать, как нашкодившего школьника, текст, обвиняющий членов его команды в предательстве?

В. Карпенко, Г. Шипитько. «Известия», 1991 год

Ремарка

Встреча Михаила Горбачева с российскими депутатами в пятницу превратилась в беспрецедентное противостояние между дезориентированным, очевидно утомленным советским президентом и торжествующим Борисом Ельциным, до конца сыгравшим свою роль спасителя президента.

Сообщение Франс Пресс

Ремарка

Из Алма-Аты было передано специальное заявление Президента Казахстана Н. Назарбаева. «В течение девятнадцатого и двадцатого августа в адрес ЦК Компартии Казахстана из ЦК КПСС поступил ряд документов, неопровержимо свидетельствующих о поддержке Секретариатом ЦК КПСС действий и постановлений так называемого Государственного Комитета по чрезвычайному положению. Была получена секретная записка, в которой говорилось, что в связи с введением чрезвычайного положения необходимо принять меры по участию коммунистов в содействии ГКЧП. Тем самым Секретариат ЦК КПСС полностью себя дискредитировал и противопоставил рядовым коммунистам, продемонстрировав оторванность от истинных нужд и интересов народа, приверженность тоталитарному мышлению. Кроме того, на мое имя поступил проект заявления ЦК КПСС, в котором, по сути, выражалась поддержка ГКЧП и оправдывались его позорные действия. На предложение подписать эти документы я ответил категорическим отказом. Была предпринята попытка собрать двадцатого августа Пленум ЦК КПСС, в проведении которого просматривалась явная заинтересованность членов антиконституционного Комитета оказать поддержку ГКЧП. Я решительно высказался против проведения этого Пленума. В связи с вышеизложенным считаю невозможным дальнейшее пребывание в составе нынешнего Политбюро и Центрального Комитета КПСС и заявляю о выходе из этих организаций. Как руководитель казахстанской партийной организации, я намерен поставить вопрос перед коммунистами республики о выходе Компартии Казахстана из состава КПСС и создании самостоятельной партии».

Сообщение ТАСС

Ремарка

В субботу вечером и в воскресенье утром в комментариях зарубежных средств массовой информации на второе место после темы ухода М.С. Горбачева с поста Генсека КПСС вышла тема независимости прибалтийских республик и провозглашение независимости Украины. При этом многие обозреватели считают, что Советский Союз начал фактически разваливаться. «Не только мы, но даже специалисты, находящиеся в СССР, не могут сейчас точно сказать, кто в будущем окажется у власти, – указала советолог Центра за национальную политику М. Олбрайт. – Пока же я могу дать американской администрации лишь один абсолютно точный прогноз – роскошь общения только с одной властью в СССР безвозвратно ушла в прошлое». Бывший сотрудник Совета национальной безопасности США П. Родман сказал, что «знаменитый горбачевский «сбалансированный подход» более невозможен. Теперь мы будем иметь дело с абсолютно несбалансированной системой, основная власть над которой принадлежит реформаторам в России».

Начался процесс признания внешним миром прибалтийских республик. Первыми их независимость признала Исландия. О признании и намерении установить дипломатические

отношения с ними заявили Дания, Норвегия, Венгрия. Власти Германии намерены рассмотреть вопрос о признании независимости прибалтийских республик, который будет рассматриваться на заседании правительства в среду. Бельгийский МИД высказался в пользу установления дипломатических отношений с Латвией, Эстонией и Литвой.

Сообщение ТАСС

Интерлюдия

Всю свою жизнь он посвятил армии. Ему очень нравилась фраза из фильма «Офицеры», которую произносил один из героев картины: «Есть такая профессия – родину защищать». В семнадцать лет он поступил в военно-морское училище и уже в сорок втором, в возрасте девятнадцати лет, стал командиром взвода мотопехоты, окончив училище и получив первое офицерское звание. По трагической статистике Великой Отечественной войны, из ста командиров взводов до победы доживали только трое. Это была самая опасная должность на войне, когда непосредственно поднимаешь своих бойцов в атаку и бежишь впереди них. Победу Сергей Федорович Ахромеев встретил уже командиром батальона. Ему было только двадцать два года. В двадцать девять он окончит Военную академию бронетанковых войск, а в сорок четыре – уже Военную академию Генерального штаба. В течение двух лет он успеет прослужить на Дальнем Востоке, в должности начальника штаба Дальневосточного военного округа, а в семьдесят четвертом году будет назначен заместителем начальника Генерального штаба. Ему будет уже пятьдесят два года. Через пять лет он станет первым заместителем, а еще через пять – начальником Генерального штаба и первым заместителем министра обороны СССР.

В последние годы он будет официально занимать должность военного советника Президента СССР и, не скрывая, конфликтовать с руководством МИДа, которое, по мнению Ахромеева, часто не учитывает существующих военных реалий в противостоянии с западными странами. Ахромеев будет настаивать, чтобы при объединении Германии войска НАТО не переходили бывшую границу ГДР, и американцы будут готовы пойти на эти уступки. Но Горбачев и Шеварднадзе согласились подписать все документы об объединении Германии, не оговаривая подобных условий. Более того, они согласились на пятилетний срок вывода войск из бывшей Восточной Германии. Ахромеев протестовал, не скрывая своего негативного отношения к подобному продвижению войск НАТО к границам СССР. Он понимал, что после распада Восточного блока стран Варшавского договора ничего не мешает НАТО принять в свой альянс антисоветски настроенную Польшу и разместить свои войска уже у самых границ СССР. Тем более что в Польше не особенно скрывали своих антимосковских настроений. Но Горбачев и Шеварднадзе все время говорили о «новом мышлении» и возможном сотрудничестве с Западом.

Ахромеев провел всю свою сознательную жизнь в армии и привык беспрекословно выполнять приказы руководителей. Все последние годы он пытался убедить самого себя, что руководство страны ведет правильную политику, что распад Восточного блока, сдача союзников, капитулянтская позиция на переговорах с немцами и американцами – всего лишь издержки новой политики советского руководства. Но после отставки Шеварднадзе и появления целого ряда материалов о его воинствующей некомпетентности стало понятно, что ошибся и он сам.

Ахромеев знал, как не любит Язов отстаивать позиции военных в разговорах с высшим руководством страны. После снятия маршала Соколова, когда приземлившийся на Красной площади Руст вызвал смену власти в Министерстве обороны, Язов всегда помнил об этом и старался не допускать подобных промахов. Не говоря уже о том, что именно армию подставляли в Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Язова спасало только беспрекословное выполнение приказов Верховного главнокомандующего и полное отсутствие каких бы то ни было комментариев. Даже

когда политики и журналисты, захлебываясь от возмущения, критиковали действия вооруженных сил, Язов молчал. Этот старый служака не сделал самостоятельно ни одного шага на посту министра обороны, предпочитая согласовывать свои действия с президентом страны. И единственный раз, когда он «сорвался», были как раз события августа девяносто первого года. Под влиянием своих заместителей – Моисеева, Варенникова и Ачалова, которые требовали более решительных действий, – он позволил остальным членам ГКЧП уговорить себя. К тому же там были все знакомые лица, все руководство Советского Союза, за исключением Горбачева.

Ахромеев не принимал участия в подготовке документов ГКЧП и вообще не знал о готовящемся создании Комитета и введении чрезвычайного положения. Двадцатого августа утром он вернулся в Москву из отпуска и явился в Министерство обороны для оказания любой посильной помощи. Через два дня он напишет Горбачеву: «Меня никто не вызывал. С 1990 года я был убежден, как убежден и сейчас, что наша страна идет к гибели. Вскоре она окажется разваленной. Я искал любые способы сказать Вам об этом. Никаких корыстных мотивов у меня не было».

Маршал Ахромеев уже знал, что Язов сидит в тюрьме. Вместе с ним сидят Крючков и Бакланов, с которыми он также тесно общался в последние годы. Ахромеев видел, что творится в последние несколько дней, сразу после возвращения Горбачева в Москву. Сначала аресты высших руководителей страны, в чьей искренности и преданности Родине он не сомневался. Затем позорная пресс-конференция Горбачева, где стоявший рядом с трибуной Ельцин просто показывал пальцем, что именно следует читать союзному президенту. Отставка самого Михаила Сергеевича с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. И, наконец, запрет Коммунистической партии, членом которой Ахромеев был почти полвека. Подобные события могли выбить из колеи даже более молодого человека. И еще самоубийство Пуго, который отказался идти в тюрьму и предпочел позору смерть.

Человек, прошедший всю войну, смерти не боялся. Ахромееву было уже шестьдесят восемь. Поэтому он, не колеблясь, принял решение. Его прежние идеалы были разрушены, партии, членом которой он состоял с 1943 года, больше не было, президент страны, которому он верил и чьим военным советником был, оказался несостоятельным фигляром и болтуном, страна, которую он защищал ценой своей жизни и крови, разваливалась на глазах. Будущее было лишено всякого смысла. И тогда он принял единственно возможное для себя решение. О самоубийстве Ахромеева сообщили даже американские газеты. Его уважали западные оппоненты за прямоту, принципиальность и честность.

Двадцать четвертого августа, в девять часов пятьдесят минут вечера, дежурный офицер Коротеев найдет тело маршала Ахромеева в его кабинете 19«а» в корпусе 1-го Московского Кремля. Про самоубийство маршала позже очевидцы будут вспоминать, что, сделав петлю, Ахромеев повесился. Но петля порвалась, и через двадцать минут он пришел в себя. Привел себя в порядок, вышел из кабинета и нашел коллегу, у которого занимал деньги перед отпуском – двадцать рублей. Он вернул долг, возвратился в кабинет и снова повесился.

Никто не станет публиковать официальных сообщений о волне самоубийств, прокатившихся по всей стране. Выбросился из своей квартиры управляющий делами ЦК КПСС Кручина. Затем – прежний управляющий. Сразу после августовских событий был зафиксирован резкий рост суицидов и инфарктов среди пожилых людей в возрасте от шестидесяти лет. Для сравнения – только по Москве и Московской области в последнюю неделю августа общее число суицидов выросло более чем в три раза.

Ремарка

В Москве в возрасте 68 лет покончил жизнь самоубийством военный советник Президента СССР, член Комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и государствен-

ной безопасности, маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев. Бывший начальник Генерального штаба и первый заместитель министра обороны СССР, Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии, член ЦК КПСС.

Сообщение ТАСС

Ремарка

Маршал Сергей Ахромеев был моим другом. Его самоубийство – это трагедия, отражающая конвульсии, которые сотрясают Советский Союз. Он был коммунистом, патриотом и солдатом. И я полагаю, что именно так он сказал бы о себе сам.

Адмирал Уильям Д. Кроул

Глава 4

Сразу после августовских событий во всех национальных республиках начались одинаковые процессы, словно получившие отмашку на подобные метаморфозы. Коммунистические партии республик самораспускались или переименовывались. Прежние ортодоксальные коммунисты с радостью превращались в убежденных демократов. Руководители республик неожиданно осознали, что сам Горбачев уже неопасен, а союзная власть всего лишь ничего не значащая фикция, с которой можно вообще не считаться. В результате повсюду торжественно принимались законы о суверенитете, союзное имущество конфисковывалось и республики объявляли о своей независимости.

Конечно, если посмотреть на эти события с позиций сегодняшнего дня, то становится понятным, что наиболее убежденными сторонниками независимости были прибалтийские республики и Грузия. Молдавия пыталась следовать их примеру, Армения была достаточно осторожна. Остальные воздерживались от подобных шагов даже после того, как двенадцатого июня девяностого года российский парламент провозгласил суверенитет своей республики. Все остальные республики аккуратно дождались августа девяносто первого, убедились сначала в полном бессилии бывшей союзной власти, затем в еще большем бессилии вернувшегося Горбачева и начали лихорадочно провозглашать собственные суверенитеты. Один за другим в Баку следовали указы о департизации правоохранительных органов, о союзном имуществе, о создании своего министерства обороны, о подчинении МВД и КГБ республиканским органам власти. В начале сентября прошли выборы президента республики, на которых был выдвинут только один кандидат – сам президент. Его единственный соперник от оппозиции демонстративно снял свою кандидатуру. Президента Муталибова выбрали с невероятным «запасом прочности» – почти в девяносто девять процентов проголосовавших за него от числа участников выборов.

Именно после возвращения Горбачева в Москву все республиканские газеты в Баку начали восторгаться победой демократов и гневно опровергать «провокации» в отношении президента республики, который якобы поддержал создание ГКЧП. Конечно, официально никаких заявлений сделано не было, но на самом деле руководитель Азербайджана, утомленный почти трехлетней необъявленной войной в Карабахе и армяно-азербайджанским противостоянием, конечно, был на все сто процентов за введение чрезвычайного положения и наведение порядка. Неспособный навести этот порядок, заболтавший все проблемы и уже не вызывающий доверия Горбачев был ему явно менее симпатичен, чем члены ГКЧП. Но в свете победившей демократии приходилось «перестраиваться».

Члены ЦК от Азербайджана торжественно вышли из уже несуществующего ЦК КПСС. Все напоминало грандиозный фарс или водевиль. Мурад видел, как меняются люди, как вчерашние члены партии торжественно выходили из нее, объясняя это своими демократическими взглядами. Некоторые «властители дум», уже вышедшие из партии после январских событий девяностого, затем забравшие свои партбилеты обратно в марте, затем осенью снова сдавшие их, затем забравшие по второму кругу, теперь в третий раз заявляли о своем выходе из партии. Всех переплюнул один известный театральный режиссер из Москвы, который торжественно сжег свой партийный билет в прямом эфире. Никто не сказал эстету и интеллектуалу, что это выглядело не очень эстетично и достаточно пошло, ведь среди членов партии были миллионы честных, порядочных, смелых людей. Можно объявить о своем выходе, но не устраивать публичное аутодафе своему партийному билету, превращая трагедию в низкопробное шоу. Очевидно, чувство вкуса и меры изменило этому талантливому человеку, о чем он, возможно, потом сожалел. А может, и не сожалел, считая, что поступил правильно.

Рядом со зданием Союза писателей, размещенном в старинном особняке девятнадцатого века, находился другой особняк, в котором в тридцатые годы располагался Дворец пионеров. Затем это здание передали Союзу композиторов. Но в девяностом году было решено открыть в нем турецкое консульство, и композиторов, словно издеваясь, перевели в здание Дворца бракосочетаний. Турецкий консул Алтан Караманоглу в эти дни развернул особенно активную деятельность. Он почувствовал, что сможет стать послом в независимой республике Азербайджан. Турецкий консул, оказавшийся на этой должности, запомнился в республике своей поразительной активностью, граничащей с хамством. Он «крышевал» турецких бизнесменов, вмешивался во внутренние дела республики, уже при Народном фронте мог позволить себе демонстративно подзывать к себе членов Кабинета министров и громко распекал их в присутствии других министров и депутатов. Точкой в его карьере стало участие в заговоре против президента Гейдара Алиева, в котором он принял непосредственное участие. Но на Гейдаре Алиеве его «бурная деятельность» закончилась. Турецкий посол просто не рассчитал свои силы, так и не осознав, на кого нарвался, и был вынужден спешно покинуть Азербайджан, оставив по себе недобрую память. Всем последующим послам Турции приходилось исправлять ошибки этого зарвавшегося дипломата.

Спустя некоторое время справедливость будет восстановлена, турецкое посольство переедет в новое здание, а бывший Дворец пионеров и бывшее посольство Турции возвратят Союзу композиторов республики, которые вернутся в родные пенаты спустя полтора десятка лет вынужденных скитаний.

На четырнадцатое сентября в Баку был объявлен чрезвычайный съезд Коммунистической партии Азербайджана. Мурада Керимова, как секретаря Союза писателей республики и кандидата в члены ЦК, пригласили на этот последний съезд, который оказался тридцать третьим по счету. С самого начала было понятно, что здесь собрались для ликвидации партии, и никакие возражения не смогут изменить этого намерения. Мурад успел переговорить с заведующим отделом пропаганды Расимом Агаевым, который прежде был известным журналистом. Агаев доказывал, что сохранение партии просто невозможно.

– Я стал кандидатом в члены партии в Афганистане, – говорил Мурад. – Нам тогда казалось, что это самая большая награда за наши испытания. И мы все еще верили в нашу способность что-то изменить. А теперь вы считаете, что нужно закрыть партию с такой историей и традициями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.